

Андрей А. Богатырёв (Тверь)

Аудиторный стилистический анализ текстовой дроби (из романа Н. Готорна *The Blithedale Romance*)¹

✦ Ключные речи:

Имплицитное, индивидуация, интерпретация текста, стилистические регистры, схемы понимания текстовой дроби.

Овај рад је усредсређен на стилску разноликост ставова говорника приликом избора речи и фраза употребљених за преношење породичне слике огњишта узете из одломака Хоторновог романа, што омогућава студентима да коришћењем лирских полифоних образаца открију неколико имплицитних значења читаве књиге.

1. В октябре 2006 года исполняется пять лет со дня смерти основателя тверского герменевтического кружка и тверской школы лингводидактики профессора Георгия Исаевича Богина. Для творчества Г.И. всегда было характерно соединение стилистических разысканий с решением конкретных лингводидактических задач, связанных с «обучением работе с текстами». основополагающей идеей научной и педагогической деятельности Г.И. Богина послужило «научение рефлексии», т.е. не обучение «готовому пониманию», влагаемому в головы пассивно доброжелательной аудитории, а

пробуждение в учащихся родовой человеческой способности понимать. Рефлексия есть родовое понятие – связка между наличным опытом познающего индивида и образом постигаемой ситуации (Богин 1986: 9; 1989: 17). Рефлексия претендует на место универсального принципа понимания, поскольку просвечивает при интерпретации и принятии решения все сферы человеческого опыта жизни, мысли и деятельности.

Основной предмет исследования в творчестве Г.И. Богина – *языковая личность*, «человек с точки зрения его готовности совершать речевые поступки,

1) Памяти профессора Георгия Исаевича Богина (23 х11 1929 – 10 х 2001.) посвящается.

создавать и понимать тексты на родном или втором (неродном) языке» (Богин 1982а: 1). Языковая способность индивида мыслится как многогранное и внутренне противоречивое образование. Г. И. Богин ввел в состав разработанной им поликомпонентной параметрической модели речевой способности (1973–1986) следующие уровни готовности к языковой деятельности в порядке восхождения от низшего к высшему: 1. *правильности* (сводимый к знанию единиц языка и их корректному использованию в пределах грамматического правила); 2. *скорости* (отвечающий за «предвидимость», то есть за прогнозирование речевого события при внутреннем проговаривании); 3. *насыщенности* (предполагающий знание синонимичных форм и средств выражения значений в языке); 4. *адекватного выбора* (предполагающий готовность выбрать из ряда синонимичных по содержанию средств именно те, которые уместны именно в данном коммуникативном контексте); 5. высший уровень – уровень адекватной комплектации целого текста (Богин 1978), позднее названный уровнем *адекватного синтеза* (Богин 1986). Все названные уровни применимы для оценки вторичной языковой личности индивида, осваивающего иностранный язык, как в плане продукции текстов, так и в плане понимания оригинальных иноязычных текстов культуры, включая зарубежную беллетристику. Представляется закономерной и очевидной связь трех выделенных уровней высшего порядка со *стилистическими изысканиями* (в трудах Г. И. Богина содержатся образцы виртуозных стилистических разборов текстов на английском, на тюркских и многих славянских языках), поскольку о *стиле* мы говорим в ситуации возможной альтернативы при выборе языковых

средств передачи сходного содержания. Мера приближения к горизонтам овладения различными *стилями* изучаемого языка/речи свидетельствует о степени зрелости языковой личности.

Текстоцентрический подход к обучению иностранному языку неотделим от обучения усмотрению (и продукции) *внутритекстовой репрезентации* необходимого для успешного события общения социально-коммуникативного контекста. Г. И. Богиним (1980, 1986, 1989. etc.) приняты наиболее последовательные в советской и российской филологии попытки создания системы подготовки к текстовым формам развития и оценки языковых готовностей индивида. Текст является естественным полем испытания вершинных готовностей языковой личности (в том числе студента-лингвиста) к осуществлению деятельности общения. И все же заметим, что в основу аудиторного анализа и интерпретации полагается, прежде всего, вопрос об адекватности текстовосприятия в аспекте *индивидуации* (как установления родовых и видовых черт понимаемого текста), а не в аспекте устремления к недостижимой полной аутентичности (конгениальности) читательской реакции исходной культуре текстопроизводства. *Индивидуация* есть «рефлексивное усмотрение (как деятельность и результат) внутривидового уникального, самобытного начала в предмете на фоне родовых и видовых признаков» (Богатырёв 2001: 41). Индивидуация авторского способа говорения о мире является неперенным условием понимания всякого текста культуры.

Аудиторная отработка комплекса языковых готовностей вторичной языковой личности традиционно связывается с анализом иноязычного беллетристического («художественного», эстетизированного)

текста. Само привлечение таких текстов в качестве учебного материала обусловлено их насыщенностью лингвокультурными кодами, а соответствующие аудиторские занятия традиционно определяются как «аналитическое чтение» или «стилистический анализ текста», что содержит в себе идею раскрытия авторской системы стилистических и культурных кодов. Теоретическое осмысление обучения учащихся текстовой деятельности потребовало понятийного выделения единицы такой деятельности. В этой связи профессор Г. И. Богин посвятил множество работ разработке герменевтических техник анализа *текстовой дроби* – репрезентативного в формальном и содержательном плане целостного фрагмента оригинального авторского текста (Богин 1986: 73–74).

Целесообразность привлечения «изолированных» текстовых дробей связана с достигаемым усилением нагрузки на лингвостилевые схемы получения знаний о тексте, выступающие критерием оценки уровня готовности языковой личности к социально адекватной речевой деятельности. Вектор эскалации рефлексии над стилистическими средствами текстообразования сонаправлен вектору разработки содержательной интерпретации текстовой дроби.

Целью аналитического подхода к беллетристическому тексту является оптимизация освоения его содержательности, ведущая к распредмечиванию его содержательной формы. *Содержательность текста* мыслится как целостная мозаика значений, содержания и смыслов текста во всем многообразии взаимосвязей и взаимоотношений названных содержательных элементов. *Содержательная форма* текста понимается как органичная текстовая форма смыслопостроения,

т.е. как форма, оптимально передающая смысл сообщения. Лингводидактическая феноменология горизонтов освоения содержательности языкового текста разработана Г. И. Богиным и включает в себя в порядке восхождения от низшего к высшему следующие уровни: а) *семантизации* языковых единиц как знания и узнавания их значений, б) уровень восстановления *содержания текста* как суммы текстовых предикаций, или *когнитивный*, в) уровень синтеза смысла постигаемого целого высказывания (текста, текстовой дроби), или *распредмечивающий* партитуру текстовых стилеобразующих средств (Богин 1986: 32; 40–41; 59–60; 61–62). Далее рассматриваются принципы организации, а также элементы и результаты практического занятия со студентами третьего курса отделения теоретической и прикладной лингвистики Тверского государственного университета по стилистическому анализу дроби оригинального иноязычного текста, проведенного в подражание приемам и образцам практических занятий и семинаров по стилистическому анализу Георгия Исаевича Богина.

2. Одной из разновидностей аналитического подхода к иноязычному учебному тексту является *фронтальная стилистическая интерпретация* текстовой дроби, не сводимая к разбору лексико-грамматических явлений текста как предпосылки реконструкции его содержания. Ресурсом проникновения в содержательную форму текста выступает интерпретационная установка на тотальный учет и критику *всех* значащих элементов содержательной формы текстообразования с точки зрения ее смыслообразовательных потенций, начиная от рассмотрения особенностей фонетической оболочки сообщения, динамики

длины предложений и баланса сочинительных и подчинительных конструкций, элементов «образности», лексических и лексико-стилевых оппозиций и контрастов и т.д. и заканчивая конечной конфигурацией усматриваемых элементарных смысловых образований текста – текстовых ноэм.

Аудиторный стилистический анализ текстовой дроби подразделяется на ряд этапов:

118

а) первичное («беспредпосылочное») чтение сопровождается письменной фиксацией *содержания* текстовой дроби;

б) аналитическое посегментное чтение вслух («прочтение») составляющих текстовую дробь предложений-высказываний с остановками для разбора актуальной и перспективной смысловой организации текста сопровождается оперированием интерпретационными конструктами и гипотезами;

в) сопутствующее реконструирование смысловой структуры сообщения в целом сопровождается выдвиганием и обсуждением допускаемых родовых и внутривидовых форматов интерпретации;

г) верификация, коррекция и обогащение содержательных гипотез на материале последующих сегментов осуществляются по герменевтическому принципу перевыраженности смысла целого в частях и деталях;

е) итоговая оценка реконструированного внутритекстового возможного мира и содержательной формы текста в их взаимосвязи сопровождается установлением баланса внутривидового и родового начал в текстообразовании.

Письменное закрепление рабочего перевода-пересказа выступает формой фиксации содержания текста на этапе до выдвигания определенных гипотез

о его смысле и очерчивает границы эксплицитного содержания.

В нашем случае на этапе посегментного чтения осваиваемая ситуация текстовой дроби рассматривалась студентами по принципу «черного ящика», или, если подобрать метафору, более близкую описываемому в тексте кухонному помещению (см. ниже анализируемую дробь текста), по принципу темной комнаты. При этом не допускается «протаскивание» готовых конструктов из *литературоведческой* критики. Инвентарь направлений и средств анализа в воображении некоторых исследователей полагается «научным», жестко стратифицированным, классифицированным, константным (Ср. Бабенко, Казарин 2003: 15, 398–399). Между тем, существенная роль в синтезе текстового смысла принадлежит элементам *субъективного выбора опорных ориентиров интерпретации*, связыванию по субъективным схемам текстовосприятия эмоциональных и рациональных, образных и логических моментов интерпретации, вероятностному прогнозированию доминантного направления смыслообразования.

Интерпретация трактуется как высказанная читательская рефлексия (Ср. Богин 1993: 16) над системой средств текстопостроения, выступающих одновременно и стилиевыми средствами текста. Интерпретация текста неотделима от *индивидуации*. Индивидуация в пространстве человеческого понимания основывается на накопленных в индивидуальном опыте читателя схемах. В самом понятии схемы уже положено представление о прогнозировании путей развития постигаемой ситуации и связанных с прогностикой (греч. – «предзнанием») экспектациях. Экспектация

– сформировавшееся в сознании читателя пред-имение содержательно конкретного риторического хода со стороны авторского текстопостроения в виде той или иной поверхностной (формально-риторической, лексической, синтактико-грамматической) или глубинной (семантической, сюжетной, смысловой) единицы. В понятии об экспектации соединяются и друг о друге свидетельствуют горизонт темпоральный (ожидание) и горизонт пространственный (понимание). Нарушение читательской экспектации в общем случае рассматривается как стимул к возможной переоценке читателем авторской программы текстопостроения, поиску альтернативной стратегии чтения.

Круг экспектаций по отношению к инокультурному тексту на *вершинных уровнях развития вторичной языковой личности* учащегося опирается не только на эксплицитно представленное содержание текста, но также, в значительной мере, на круг текстовых *импликаций и допущений*. *Имплицитивное начало* (импликация) объемлет всё то в сфере смыслообразования, что может быть усмотрено на основании данных текста посредством применения операции логического вывода. К имплицитивным текстовым содержаниям относятся и те, что усматриваются на правах следствия манифестированной в тексте тем и иным образом причины, и те, что усматриваются на правах основания для манифестированного в тексте следствия. Имплицитивный доминион в смыслообразовании основывается на способности читателя к формированию *знания о сохранении* текста при опоре на знание об устройстве мира и языка. Понятие *имплицитности* шире понятия имплицитивности и не обязательно объясняется через действие в тексте механизмов языковой

компрессии транслируемых сведений. *м?п?л?и?ц?и?т?н?о?е?*Имплицитное – в широком истолковании – все текстовые смыслы, которые не номинированы в тексте непосредственным, прямым образом. Поэтический смысл текста всегда имплицитен, поскольку представляет собой функцию от балансирования авторской программы текстопостроения на пределах выразительных возможностей языка.

Дефицит учебной работы по фронтальному анализу текстов может приводить к тому, что студент не закладывает в пространство своего понимания текста даже сильные формы языкового имплицитирования, как, например, смысл «уже давно впервые предпринятое и вошедшее в обиход действие» применительно к фразе *I must still keep harping on it*. Еще больший интерес для фронтального анализа текста представляют слабые текстовые импликации. В концепции И. В. Арнольд (1990: 103) предлагается считать текстовыми (слабыми) импликациями вариативно восстанавливаемыми в актах чтения вероятных смыслов, акцент падает на вероятностный характер смысла. Мы имеем в виду под *слабыми импликациями* такие читательские гипотезы, выделение отправной сегментной текстовой единицы для которых представляется затруднительным. Одним из источников слабых импликаций в такой трактовке выступает партитурное означающее.

Партитурное означающее складывается на основе гармонии относительно автономных текстовых единиц, ни одна из которых не образует в строгом смысле необходимого и достаточного основания для подразумеваемого (имплицата). Например, на вопрос о том, была ли среди присутствующих на ужине, описанном в приводимом ниже тексте Готорна, привлекательная женщина, все студенты из

учебной группы III курса отделения теоретической и прикладной лингвистики ТвГУ за исключением одного студента ответили утвердительно. На вопрос, чем это можно подтвердить в тексте, уже шесть человек из двенадцати в учебной группе затруднились ответить. Вторая группа студентов разделилась на тех, кто выводил присутствие женщины из некой общей «зачарованной романтической атмосферы», и тех, кто пытался локализовать эффект присутствия женщины в отдельных текстовых фразах, репрезентативность которых немедленно и единодушно была оспорена остальной частью аудитории. Рассмотренный случай освещает нетождественность подходов к трактовке горизонтов понимания текста читателем а) как извлечения суммы знаний о тексте и б) как усмотрения палитры значащих переживаний в рамках собственной субъективной проекции текста.

3. Ниже приводится описание элементов практического занятия со студентами III курса отделения теоретической и прикладной лингвистики ТвГУ по стилистическому анализу зачина четвертой главы романа американского писателя Натаниеля Готорна (1804–1864) *The Blithedale Romance* (1852) – *The Supper-Table*²:

IV. *The Supper-Table*

1–2. The pleasant firelight! I must still keep harping on it. 3. The kitchen hearth had an old-fashioned breadth, depth, and spaciousness, far within which lay what seemed the butt of a good-sized oak-tree, with the moisture bubbling merrily

2) «За ужином» (Готорн 1982: 250)

out at both ends. 4. It was now half an hour beyond dusk. 5. The blaze from an armful of substantial sticks, rendered more combustible by brushwood and pine, flickered powerfully on the smoke-blackened walls, and so cheered our spirits that we cared not what inclemency might rage and roar on the other side of our illuminated windows. 6. A yet sultrier warmth was bestowed by a goodly quantity of peat, which was crumbling to white ashes among the burning brands, and incensed the kitchen with its not ungrateful fragrance. [7. The exuberance of this household fire would alone have sufficed to bespeak us no true farmers; for the New England yeoman, if he have the misfortune to dwell within practicable distance of a wood-market, is as niggardly of each stick as if it were a bar of California gold.]

3.1. *Задание, условия и принцип анализа*

Смысловое единство беллетристического текста средней и крупной протяженности (рассказа, повести, романа, главы романа etc.) манифестируется в различных текстовых дробях с различной мерой импликационности / экспликационности. Стимулом к образованию интерпретационных конструктов к данной текстовой дроби послужило *интерпретационное задание* попытаться определить количество находящихся в помещении людей и выявить их социальные характеристики, что в общем случае соответствует восстановлению когнитивного содержания текста

по Богину (1986: 41–42; 44–56). Повышенная мера *импликационности* (стилистической установки текста на трансляцию смыслов для чтения «между строк» – ср. Оборина 2005) текстового фрагмента определила путь к выполнению поставленной задачи через *распредмечивающую* интерпретацию элементов *содержательной формы* текстовой дроби (эстетически активной формы, вносящей самостоятельный вклад в содержательность текста). Решение поставленной задачи требует рефлексии над опытом различения социально-стилевых регистров языка и речи, опытом персонализации «голосов» – номинативных и стилеобразующих средств текста, опытом восстановления элементов ситуации, облика, социально-ролевых характеристик, ценностных установок фиктивного говорящего персонажа.

Анализ структуры высказывания сопровождался обязательным чтением вслух и коллективной критикой этого чтения. На каркас структурно-функционального анализа предложений-высказываний наслаиваются процедуры содержательной интерпретации с неизбежным оперированием гипотезами о смысле целого микротекста и его отдельных элементов. Каждое предложение-высказывание из состава текстовой дроби анализировалось на основе собственных определенностей и при опоре на предшествующие, но *никогда* на последу-

ющие предложения до тех пор, пока текстовый массив фрагмента не был исчерпан. Последнее предложение из состава семи, образующих текстовую дробь, намеренно не предъявлялось для первичного означения, что одновременно усложняло задачу по реконструкции смысла текстовой дроби и делало работу творческой.

Выделение первого сегмента (предложения 1–2) продиктовано принципом отслеживания форм риторического контраста в текстообразовании. Контрасты (тематические, стилистические и проч.) могут выступать индикаторами противоположностей в организации текстовой программы смыслообразования. Антагонизм подчеркнутых противоположностей обычно снимается на взыскомом уровне смысла целого текста. Наблюдения над текстовой дробью позволили студентам самостоятельно задать набор связанных с рефлектируемым в тексте образом очага аксиологических оппозиций, приводимых ниже под именами полярных горизонтов смыслообразования: *light – darkness; then (early period) – now (latest period); attitude 1 – attitude 2 (passion 1 – passion 2); prospects – retrospection; premonition (portent) – recollections; action* – background; warm – cold*; pleasant – unpleasant*; poetic – practical*; young – old*; beautiful – ugly(*)*; *inexperienced(*) – experienced; unwise(*) – wise*³.

121

- 3) Астериском отмечены конструкторы, оцениваемые как потенциально валидные не всеми студентами. Астериском в скобках отмечены конструкторы, оцениваемые как правомочные не всеми студентами. Примечательно, что полярные (оппозитивные) пары последних конструкторов при этом всегда расценивались студентами как очевидно валидные и обладающие достаточным правом на существование. Данное противоречие может объясняться тем, что мера плотности в наполнении поляризованных первичным образом параллельных хронотопических рядов смыслообразования еще не установлена, в связи с чем и намеченные оппозиции еще *не переживаются* как валидные до момента возобновления к переживанию уже усмотренных «ноэм» в последующих сегментах рассматриваемого текста.

Система 2006

3.2. Метаморфозы стилевой репрезентации голоса рассказчика

122

В основе задания к тексту легла идея американского ученого Джона Гамперца (John Gumperz) о существовании *социального значения* языковых номинативных единиц, которое включает в себя не только словарное языковое, но то социально оценочное значение, которое имплицитно в контексте употребления. Встречающееся в тексте Н. Готорна переключение стилевых регистров описания без эксплицитной отсылки к речевым характеристикам прямо называемых персонажей используется как пространство испытания рефлексивной способности студента к адекватному выбору номинативных средств текста с точки зрения определения того или иного социально-стилевого регистра. «Детективное» задание выступило стимулом для обращения рефлексии студентов на социолектальные стилевые маркеры в тексте как источник информации о фиктивных персонажах. На первом этапе рассмотрения стилевые регистры текста были разбиты студентами по двум группам. К одной группе, характеризующейся сухим и беспристрастным канцеляритом, были отнесены слова и выражения *breadth, depth, and spaciousness, good-sized oak-tree, moisture, substantial sticks, rendered more combustible, practicable distance*. К партии растроганного и взволнованного лиричного (лирического) голоса были отнесены выражения *keep harping on it, bubbling merrily, flickered powerfully on the smoke-blackened walls*⁴.

Средством категоризации наблюдаемых внутритекстовых явлений выступают *интерпретационные конструкты*, выдвигаемые читателями (при опоре на данные текста) на основе собственного жизненного опыта и стихии воображения. Интерпретационные конструкты в общем случае характеризуются многообразием, разнообразием и различной степенью устойчивости (изменчивости). В то же время следует отметить преемственность ряда интерпретационных конструктов, выдвинутых независимо друг от друга студентами-третьекурсниками двух потоков ОТиПЛ 2003 и 2004 годов. В обоих случаях текст был впервые предъявлен студентам для интерпретации непосредственно на занятии. В качестве образца «повторяющихся» конструктов можно привести такие (не все!) из использовавшихся студентами-третьекурсниками образные конструкты как:

1. «некто, светлая и восторженная поэтическая натура»;
2. «некто холодно отстраненный, нудный, говорящий канцеляритом, персона в костюме, застегнутом на все пуговицы»;
3. «некто, посвящающий время воспоминаниям о дне (вечере), давно минувшем» («сентиментальный человек, предающийся светлой грусти о былом, упивающийся своими эстетизируемыми переживаниями на заре туманной юности»).

4) В особую группу и по иному основанию, наряду с партией огня, была выделена партия закулисного дирижера музыки за кадром, отвечающего за голос природной стихии в разработке темы «грозовые предвестия в образе ночного ненастья, бурана».

Таблица 1.

«ПОЭТ»	«РЕЗОНЁР»	«МЕМУАРИСТ»
The pleasant firelight!	breadth, depth, and spaciousness,	I must still keep harping on it.
Flickered powerfully on the smoke-blackened walls	far within which lay what seemed the butt of a good-sized oak-tree	so cheered our spirits
bubbling merrily	moisture	
incensed the kitchen	rendered more combustible	
what inclemency might rage and roar		we cared not

123

3.3. Полистилистика беллетристического текста

Столкновение стилевых регистров текста выступает маркером второго по отношению к повествователю сознания в тексте. Внутритекстовая авторская ирония распознается по установке на ускользание интерпретационной доминанты из одного эмоционально-смыслового регистра в другой. Здесь действует введенный уже Фридрихом Шлегелем в теорию иронии принцип иронической эллипсоиды. Противоречие между высокопарной и сказочной манерой говорения о событии и комичностью описываемого действия, зачарованным воспоминанием в начале и брюзжащим резонерством в конце абзаца (предложение 7) еще не открылось на уровне содержания дроби, но стилевые сломы становятся по нарастающей всё более вычурными в предложениях 3, 5, 6. Риторическая схема текстовой дроби может интерпретироваться как «очарование, угасающее в разочаровании».

Развитие и противоборство (растягивающихся в текстовом континууме) конкурентных конструкторов в качестве ключей к пониманию целого лежит в ос-

нове эстетического и идейно-смыслового текстовосприятия. Холодная тональность одного из фиктивных персонажей («голос» некоего возможного педанта, «таможенного клерка», «человека, застегнутого на все пуговицы») выступает как одна из конкурирующих возможных тональностей, противоположная возможной тональности восторженного энтузиастического поэта (2, 4). Постепенно всё явственнее различается фигура ирониста. Ироническая тональность почти соскальзывает в саркастическую (5). Сюда отнесем также обращение головного понятия *pleasant firelight* в *not ungrateful (excessive – А. Б.) fragrance (fumes – А. Б.)*. По контрасту с упомянутыми, на базе повышенной экспликационности и автонимичности речи развивается дидактическая тональность (6, 7).

Отвечающие полистилистической и полифонической метасхемам беллетристического текстопостроения схемы различения текстовых голосов, выступают основой и стимулом для упражнения в чувствительности к стилевым регистрам. Схема различения стилевых регистров текста в сущности выступает здесь как «схема развития экспектаций»

Система 2006

по отношению к тексту – указание на то, «по какой стратегии его надо воспринимать» далее (Богин 1989: 37). Напротив, экономия на рефлексии над схемами текстовосприятия способна незаметно уничтожить самые очевидные элементы опыта и здравого смысла при переводе (фиксированной разновидности интерпретации). Для иллюстрации данного положения обратим внимание на схему иронического говорения о мире. К выявленным «голосам» текста присоединяется еще один голос, плачевно неузнанный при первом прочтении третьекурсниками двух потоков. Это голос «ирониста» в предложении шестом Готорновского текста: «6. A yet sultrier *warmth* was bestowed by a goodly quantity of peat, which was crumbling to white ashes among the burning brands, and *incensed the kitchen with its not ungrateful fragrance*».

Абсурдный *грациозный (приятный, прекрасный) аромат* с устойчивым печальным постоянством появляется в студенческих переводах всегда до аналитической интерпретации текста, причем независимо от (не)знания легко разложимого на компоненты выражения *not ungrateful fragrance*. Одномерная (наивно-монотональная) экспектация читателей по отношению к тексту оказалась способна вытеснить из пространства понимания даже воспоминания о торфяных пожарах удушливого 2002 года. Образец сходного «беспамятства» найдем и в солидных изданиях переводов Н. Готорна: «Еще больше жару давало изрядное количество торфа, рассыпавшегося белой золой между красными головешками и наполнявшего кухню своим *благовонным зноем*» (Готорн 1982: 250). В этой связи напрашивается следующий вывод. Источник «лексических ошибок» может лежать в сферах опыта иного по-

рядка, чем опыт чтения непосредственно словарных статей. Стилистический критерий «ошибки перевода» лежит в пределах стиля текстовой дробы в целом (и, конечном итоге, целого текста). В ряде случаев читатель переводит текст неверно не по причине того, что «не знает» нужные слова, а по причине того, что руководствуется неверным ожиданием смысла, навязанным неверной схемой текстовосприятия. Знание многих слов само по себе не дает автоматического качественного прироста в способности к адекватному текстопроизводству и текстовосприятию. Читатель, недостаточно ориентирующийся в бытующих в культуре схемах тексто- и смыслообразования, как следствие, на практике подчас «не узнает» уже выученные слова и лексико-синтаксические конструкции.

3.4. Результаты и контроль

Результаты стилистического анализа текстовой дробы рассматривались на фоне студенческих записей с отчетом о первичном прочтении текста. В итоге стилистического анализа партитуры текстовых средств в ходе коллективной интерпретации была получена следующая возможная характеристика микросоциума фиктивных персонажей: Непроявленность конкретных «общих тем» для персонажей может свидетельствовать о «механическом», внешнем (для всех косвенно номинированных в тексте персонажей) поводе для единения людей, авантюристичности их совместного предприятия. В пользу последней может говорить и обозначенный в тексте средствами косвенной номинации низкий уровень экологического сознания. Усмотрена социальная и половая (последнее выводимо из опыта чтения «романтических» описаний в русской и

«западной» литературе XIX века) разно- (чуже-)родность коллектива собравшихся у *очага* людей. Рефлексия над партитурой текстовых средств текстовой дроби породила ряд основанных на импликациях глубокого ряда читательских смысловых экспектаций. Текстовая ретардация «узнается» как форма опредмечивания смысла «предчувствие приближающегося судьбоносного вторжения извне в хрупкий мир минутного (кухонного) баланса интересов». К частным граням имплицитной смысловой стихии текстовой дроби отнесены «сакраментальное воспоминание о предчувствии зарождающейся любви», «определенная мера незрелости людей для мудрого жизненного самоустроения», «предчувствие драматически оборвавшейся любовной связи».

Не всё то, что открывается анализу, доводится непосредственно в аудитории до состояния оптимального словесного пере- выражения в переводе (занятие посвящено не практике художественного перевода, а теории и практике анализа текста). Перевод текста является в достаточной мере творческим заданием и рассматривается как дополнительная (отложенная для постаудиторной самоподготовки и совершенствования) форма контроля за развитием вторичной, как, впрочем, и первичной языковой личности учащихся. Данное задание уже аудиторно нормировано по ряду содержательных параметров. Например, в качестве критерия успешного выполнения перевода признается возможность усмотрения на его основе следующих *рамочных* смыслов: «сакраментальное воспоминание прекрасном далёком» сентиментального путешественника во времени (1–2); «повышенная подвижность временных пластов» (1–2, 1–7) и т.д.

Аудиторное занятие по фронтальной интерпретации текста позволило на-

блюдовать ряд часто встречающихся ошибок в интерпретации, потребовавших выявления, объяснения и коррекции. К источникам трудностей и ошибок в интерпретации текстовой дроби можно отнести следующее: а) наивное ожидание выводимости смысла текста из его содержания; б) наивная вера в то, что художественное текстопостроение всегда маркируется арсеналом примененных классических тропов и фигур как единственной основы поэтического повествования; в) элементарное незнание знакомство с такими распространенными в художественном текстообразовании схемами-кодами, как «многоголосие», полихромность, полихронность, полистилистика повествования; г) блокирующая рефлексия над маркерами социальных значений номинативных единиц текста установка (ригидная) на одномерную интерпретацию текста с позиции одноголосой доминанты; д) недостаточное знакомство с иноязычными языковыми схемами и оборотами иронической речи. Из опыта аудиторной работы следует, что большинство (за возможным исключением последнего) из указанных препятствий к пониманию иноязычных беллетристических текстов устранимы при фронтальном анализе и интерпретации малых по протяженности текстовых дробей.

Аудиторный стилистический анализ иноязычного беллетристического текста является важным источником формирования и оценки интерпретационных готовностей студента посредством пробуждения рефлексии над стилистическими явлениями изучаемого языка и культуры, способствует формированию вторичной языковой личности учащегося и в узкоэстетическом и в социально-коммуникативном плане.

summary

Σ On English Class-room Stylistic Analysis of a Text Fraction from *The Blithedale Romance* by Nathaniel Hawthorne in Tver (Russia)

126

The article deals with the schemata of stylistic investigation of a text fraction from a novel by Hawthorne for the sake of its implied meanings. The text is new for Russian students of applied linguistics faculty and the level of difficulty of such a task is slightly above the students' present level. So they are given enough time for step by step developing of interpretation schemata and enough time for discussion in a classroom. A most close reading is necessary to uncover the traits of possible dramatis personae of the given text fraction. The students are free to use any dictionaries and suchlike resources, but also their own imagination to uncover and individualize the imagery of the society depicted in a most indirect and circuitous way. Yet the most powerful and helpful resource for better achievements in the field of interpretation of a text fraction is *Reflectivity* taken as *the human generic property found in every recipient* (Georgy. I. Boguine 1929–2001).

The meaning of the fraction is not to be confined to a sum of explicit information. The author's implicit text processing program secures to a high extent a coincidence of the meaningful experiencing ('Erlebnis') of many student readers of the original piece of narrative.

The piece of a text under study is not easily analyzed in terms of classical tropes and figures of speech. So one needs to apply one's own reflectivity to all main domains of one's experience of living and communicating in the world of men, in the world of language and in the world of fiction text.

Focus on stylistic diversity of speaker's attitudes manifested in the choice of words and phrases used to convey a most homely information on burning kitchen hearth in a text fraction of Hawthorne's novel allows the students, using lyric polyphony schemata, to uncover a few implicit meanings of the whole book. The meanings of sweet dreams, forthcoming affection and disillusion are given only in a non-explicative form, they are but being brought forth as configuring points of reflectivity fixations happening in the three areas of understanding and comprehension activities, each representing one type of the logical space of activity (*Wirklichkeit*). Firstly one ought to see the possibility of substitution of a word or phrase presented in the text by another expression and try to attribute the one used to a fictional personality. So two areas – this one of language and that one of a personal frame are at work together. Then one sees the *set* of the text fraction towards polyphony of narrative 'voices', which is a matter of *style*, a something that has to do with fiction poetics, a special individuation resource for text processing and meaning formation control. Schemes of interpretation meet, overcome or support and reinforce each other and produce more precise and delicate schemes. Falsely detected or improperly ranged schemes act subversively and lead to errors in interpretation, most ridiculous sometimes.

Литература

- Арнольд 1990: **Арнольд, И. В.** Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. – М.: Просвещение. – 300с.
- Бабенко, Казарин 2003: **Бабенко, Л. Г., Казарин, Ю. В.** Филологический анализ текста. Практикум / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003 (2004). – 400с.
- Богатырёв 2001: **Богатырёв, А. А.** Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста. Монография. – Тверь: ТвГУ. – 197с.
- Богин 1973: **Богин, Г. И.** Разговорная речь и индивидуальные характеристики личности // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сборник четвертый. – Горький: ггпийа. – С. 3 – 11.
- Богин 1975: **Богин, Г. И.** Уровни и компоненты речевой способности человека. – Калинин: кгу. – 106с.
- Богин 1977: **Богин, Г. И.** Противоречия в процессе формирования речевой способности. – Калинин: кгу., – 84с.
- Богин 1978: **Богин, Г. И.** Относительная полнота владения вторым языком. – Калинин: кгу. – 54с.
- Богин 1980: **Богин, Г. И.** Современная лингводидактика. – Калинин: кгу. – 61с.
- Богин 1982: **Богин, Г. И.** Филологическая герменевтика. – Калинин: кгу. – 86с.
- Богин 1982а: **Богин, Г. И.** Концепция языковой личности. – М. – 36с.
- Богин 1986: **Богин, Г. И.** Типология понимания текста. – Калинин. – 86с.
- Богин 1989: **Богин, Г. И.** Схемы действий читателя при понимании текста. – Калинин. – 70с.
- Богин 1993: **Богин, Г. И.** Субстанциальная сторона понимания текста. – Тверь. – 137с.
- Готорн 1982: **Готорн, Н.** Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. / Пер. с англ. – Л.: Художественная литература. – 456с.
- Оборина 2005: **Оборина, М. В.** Стилеобразующий потенциал экспликационной и импликационной тенденций текстопостроения // Вестник Тверского государственного университета. № 1(7). Серия «Филология». – Вып. 2. – Тверь: ТвГУ. – С. 104–116.